

Во-первых, практически каждый социализировавшийся современный постсоветский человек отличается гораздо более значительным, нежели в советские времена, массивом знаний и умений, вследствие практически неограниченного доступа к информации.

Во-вторых, это качественно новый объем, нежели два десятка лет назад. Значительную долю этого объема представляют собой современные ценности, типичные для общества либеральной демократии.

В-третьих, это, как правило, *уникальный* объем знаний и навыков. Говоря иначе, знания, скажем, современного студента не только гораздо обширнее и качественно богаче, чем у студенческого представителя «поколения отцов». Эти знания являются практически *уникальными* у каждого молодого человека, заканчивающего университет.

Выражаясь несколько перспективно, ныне каждый современный российский 25-летний человек является *яркой индивидуальностью, яркой личностью*.

Итак, за последние четверть столетия в нашей стране в целом произошло становление в своих основных чертах качественно новой личности, типичной для цивилизованного общества. Она отличается от предшествующей личности — традиционного типа — радикально.

Ольховикова С.В.,
г. Екатеринбург

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОГО МИФА

Одним из проявлений ценностного кризиса в современной России является кризис идентичности. Сразу оговоримся, что это не «чисто российская беда», так как одной из причин кризиса идентичности исследователи называют глобализацию. В глобальном мире идентичность становится основным дискурсом как науки, так и повседневной жизни. Во-

первых, потому, что расширяется потенциальное поле для взаимодействия, порой, несхожих культур. Во-вторых, потому, что не только Россия, но и многие другие общества, народы и индивиды испытывают кризис идентичности. Проблема поиска и смены идентичности характерна как для стран бывшего советского блока, так и для западных демократических стран. Она, по-видимому, универсальна на этапе перехода, когда старые идентичности потеряли смысл для большинства людей, а новые еще не созданы. Поэтому понятен интерес к данной проблеме, однако именно в России кризис идентичности протекает особенно остро на фоне деструктивных процессов последнего десятилетия. Среди конфликтов и противоречий современной России кризис идентичности как отдельного человека, так и общества в целом является основополагающим и связан с невозможностью для представителей основных социальных групп найти приемлемый для большинства ответ на вопрос: «Кто мы такие?» и вытекающие отсюда ответы о целях, смыслах, ценностях отдельной личности и выборе ею пути. Несоответствие критериев самоидентификации новому порядку вещей, распад представлений о том, чем являются люди и страны, и есть кризис идентичности. Культурная идентичность представляет собой символ самосознания, который включает образ мира, систему ценностей и менталитет той группы, к которой принадлежит индивид. При всем разнообразии подходов и определений, существующих в науке, представители всех направлений так или иначе считают, что ядром культурной идентичности является «образ самого себя, слитый с культурой, в целостном восприятии действительности индивидом» [1; С. 145]. При этом идентичность выступает интегральным параметром и не сводится к социальным ролям. Основным средством сохранения идентичности выступает диалог и преемственность культур. Личность вырастает на почве родной культуры, бессознательно и сознательно впитывая все то, что обозначается терминами «коллективная ментальность», «историческая память» и «дух народа». На протяжении человеческой жизни

индивидуальная идентичность причудливо переплетается с коллективной. Однако сегодня сами диалог и преемственность культур затруднены в России, и, вместе с тем, особенно важны и жизненно необходимы. Ибо, «в исторический период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. При этом люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [2; С. 27]. Изменение роли нации-государства в условиях мультикультурализма на Западе привело к плюрализму идентичности. Для России плюрализм идентичности был характерен изначально, поскольку она всегда рассматривалась как мост между Востоком и Западом, как страна, соединяющая в себе европейские и азиатские начала, сочетающая славянское единство с формированием суперэтнуса славянских, тюркских, финно-угорских и других народов. Склонность отечественных мыслителей к плюралистическому определению российской идентичности часто была предметом критики, считающей подобный плюрализм следствием отсутствия идентичности. Поэтому «смысл кризиса идентичности в России не в том, что утрачено монистическое восприятие своей самоидентичности и возобладал плюрализм, а в том, что отсутствует плюрализм как совместимость позиций и преобладают осколки самопонимания, не связанные между собой» [3; С. 53].

По мнению Э.Гидденса, идентичность в постсовременных обществах предстает как ряд дилемм самоопределения:

- унификация – фрагментация;
- беспомощность (отсутствие возможностей) – многообразие возможностей;
- наличие устойчивых авторитетов – самоопределение в условиях их отсутствия;

– опора на индивидуальный опыт – стандартизированное, уподобляемое товарному рынку поведение.

Глобализация усиливает процессы фрагментации, многообразие возможностей, самоопределение в отсутствие авторитетов и стандартизированное квазирыночное поведение. Именно таковы рамки глобальной идентичности, тогда как на уровне локальной идентичности мы видим унификацию, сокращение возможностей, веру в авторитеты и преобладание индивидуального опыта. Идентичность в этой ситуации Э.Эрикссон определяет как субъективное ощущение своей самоидентичности, которое является источником энергии и преемственности [4; С. 217].

Исходя из этих рассуждений, можно предположить, что один из уровней идентичности – это сфера сакрального, где человек соотносит себя с фундаментальными ценностями, со смыслообразующими слагаемыми бытия. Под сакральным в данном случае понимаются священные для индивида ценности его повседневной жизни. В этом значении термин «сакральное» широко употреблял Э.Дюркгейм, который указывал на возможность нерелигиозной трактовки сакрального, как составляющего подлинную основу человеческого бытия, его коллективистскую (традиционную) сущность. Думается, что речь идет, в том числе, и о коллективных представлениях, существующих на бессознательном и сознательном уровнях личности. Глубоко переживаемые архетипические образы наполняют смыслом жизнь личности. **Поэтому утрата идентичности переживается как утрата и потребность в мифе.** Миф в данной ситуации выступает как источник примордиальных солидарностей, включая солидарность на основе локальной культуры, а также на основе религии. Подобные солидарности – источник не только индивидуальной самоидентичности, но и идентификации с окружающим миром, сообществом. Таким образом, процессы демифологизации привели к разрушению сакрального уровня

идентичности. Поэтому в конструировании новых мифов есть источник обретения новых жизненных смыслов.

Пласт сакрального в идентичности личности в условиях глобализации определен именно локально. Идентичность – многоуровневый концепт, на формирование которого «работает» и историческая память, структурным элементом которой является социальная мифология. Историческая память, в свою очередь, является частью коллективных представлений. Результатом ценностного кризиса явилось «разбитость», фрагментарность коллективных представлений и коллективной памяти. Иллюстрацией данной ситуации может быть отношение россиян к праздникам: нас объединяет только один праздник – День Победы. Результатом этих процессов является «фрагментарная» идентичность. Ее «собрание», обретение целостности лежит на пути поиска новых смыслов, новых мифов, которые будут объединять население в народ.

В этом смысле очень интересен анализ таких идеологов как Родина, Отечество, гражданское общество, Россия. Идентичность человека во многом определяется его принадлежностью – ты чей? Но любое объединение становится сообществом только при наличии коллективного опыта – природного, культурного или сверхъестественного, - который разрушает изоляцию каждого человека и возвышает его до соприкосновения с трансцендентной или трансперсональной реальностью. Тогда человек оказывается не просто членом сообщества, созданного для выполнения конкретной функции, а становится сопричастным жизни в том понимании, которое определяет его в его отношении к трансцендентному. Связь с прошлым, коллективная память позволяет человеку пребывать в вечности.

Таким образом, мифы о Родине – это пространство коллективной культурной идентичности, в которых живет невероятной силы мобилизующий, объединяющий потенциал. Этот потенциал всегда был объектом манипуляции со стороны политиков и идеологов. «Доминирующая культура диктует культуре Иного способы коллективной идентификации» [5;

С. 73]. Родина как название геополитического пространства передает отношение идентификации коллективного «мы» с историей, определение символических границ «коллективного своего» во временных координатах. Образы связаны с работой желания, само желание неисторично, следовательно, идеологически значимое имя Родины возникает тогда, когда желание коллективного имени запускает в ход машину языка в деле сотворения истории. Таким образом, миф укоренен и «работает» в пространстве коллективной культурной идентичности.

Литература

1. Леонтович О.А. Русские и американцы? М., 2002.
2. Кастельс М. Информационная эпоха // Экономика, общество и культура. М., 2000.
3. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации.// Человек, 2003. №6.
4. Эриксон Э. Идентичность и неукорененность в наше время // Философские науки, 1995. №5-6.
5. Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. М., Стокгольм, 2000.

Панарина Н.Ю.,

г. Уфа

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Материальная культура — это мир вещей, созданных или преобразованных человеком. К ним относятся производство, потребление, быт и сам человек в своей материальной, физической сущности. Материальная культура отражает сферу производства и воспроизводства материальных благ, специфических для определенной эпохи, а также идеи, знания, творческие импульсы и принципы, вложенные в их создание. Таким